

С мечтой о новом человеке

Гита из круга Выготского

«Круг Выготского» – группа исследователей, объединённых гениальным советским психологом Львом Семёновичем Выготским (1896–1934) для изучения высших психологических функций и построения учения о «новом человеке» коммунистического будущего. В группу входили психологи, педагоги, психиатры, физиологи, неврологи, деятели культуры из Москвы, Ленинграда, Харькова и других городов. «Круг» включал в себя более 40 человек, в их числе были кинорежиссёр Сергей Михайлович Эйзенштейн (1898–1948) и передовые немецкие психологи Курт Левин (1890–1947) и Курт Коффка (1886–1941). Одним из ярких участников «круга» была выдающийся психолог Гита Васильевна Биренбаум (1903–1952), стоявшая у истоков отечественной патопсихологии.

Гита Васильевна Биренбаум. 1946

Родилась Гита Биренбаум в зажиточной еврейской семье в губернском городе Ковно (современный Каунас). Отец – Цалко-Шлиома Бадилькес, мать – Берта Бадилькес. У евреев есть понятие «кинууй» (буквально «прозвище») – светское имя, адаптированное под страну проживания и используемое в общении с неевреями. Вот и Гита на

самом деле Гуте («Хорошая» – в переводе с идиш), аналогично и с отчеством. В начале XX века большинство населения Ковенской губернии составляли литовцы и евреи, но русский язык был объединяющим, поэтому юная Гита выросла в рамках российской имперской культуры и владела литературным русским языком. С детства знала идиш и немецкий языки. В самом начале Первой мировой войны семья Бадилькес в статусе беженцев переехала в Минск, а затем в Калугу, где Гита продолжила обучение в гимназии. В 1918 году эшелон с другими беженцами Бадилькес вернулись в родной Ковно.

В 1920 году 17-летняя красавица Гита окончила гимназию и получила литовский паспорт. Как большинство еврейских девушек, она разделяла идеалы коммунизма и в 1920 году стала активным членом литовского комсомола, который был «вне закона» и находился в подполье. Получить достойное высшее образование в зарождающемся литовском государстве было невозможно. Для продолжения образования в 1923 году Гите пришлось уехать в соседнюю Германию – в те времена мировой научный центр. В 1924 году в Берлине девушка вступила в ряды коммунистической партии Германии и «перешла в советское гражданство».

В Германии Гита нашла свою вторую половину – Давида Николаевича Биренбаума (1900–1937). Муж Гиты родился в Варшаве, получил высшее образование в Германии по специальности «инженер-электрик», состоял в рядах коммунистических партий Польши (1919–1920), Германии (1921–1925) и ВКП(б) с 1925 года. В Германии Давид Николаевич работал в системе советского Наркомвнешторга. В 1925 году по служебной необходимости молодая семья переехала из Берлина в Москву, где в 1926 году родился сын Евгений. В 1927 году для продолжения работы в Торгпредстве Биренбаумы вернулись в Берлин.

Гита училась на психологическом факультете Берлинского уни-

Литовский паспорт Г.В. Биренбаум. 1920

Персонал Карамзинской колонии у павильона «для слабых больных мужчин». Гита Биренбаум крайняя справа во втором ряду. 1945–1946

Он устроил Г.В. Биренбаум и Б.В. Зейгарник в Московский институт по изучению высшей нервной деятельности при Комакадемии. Позднее, после реорганизации этого института и переподчинения его Всесоюзному институту экспериментальной медицины, подруги работали в психиатрической клинике ВИЭМ под руководством академика Василия Алексеевича Гиляровского (1876–1959). В апреле 1935 года Гита Васильевна защитила диссертацию на степень кандидата биологических наук.

Об отъезде из Германии никто не жалел, к тому времени к власти уже пришёл Гитлер, началось гонение на евреев, коммунистов, и всё окружение Курта Левина спешно покинуло Третий рейх. Психологи-эмигранты считали большой удачей, что вовремя уехали из Германии.

До 1936 года всё шло благополучно, но дальше судьба была неласкова к семье Биренбаум. В начале июня 1936 года Давида арестовали по политической статье, дали 10 лет тюремного заключения и 5 лет поражения в правах с конфискацией имущества. Через год дело Давида пересмотрели и приговорили к расстрелу. Такое было время, практически никто из элиты интеллигенции не избежал репрессий, аналогичная судьба коснулась и мужей Б.В. Зейгарник и Н.Н. Каулиной.

В 1938 году Гите Васильевне как потенциально неблагонадёжной жене «врага народа» было запрещено заниматься наукой и приказано покинуть Москву. Пришлось переориентироваться на медицинскую практику и переехать в Куйбышев. Но работы там не нашлось, и облздрав направил Гиту Васильевну в Ульяновск (районный центр Куйбышевской области), в Карамзинскую психиатрическую больницу, где ощущался острый дефицит врачей.

«Врачѐв дом». 1910-е годы

В Карамзинке Гите Васильевне и сыну Евгению выделили комнату в уютном деревянном доме, который местные называли «Врачѐв дом». Семья быстро освоилась в приветливой Карамзинке. В Карколонии на тот момент была только начальная школа, и Евгению приходилось каждый день ездить в школу в город. Для этого главный врач колонии Михаил Антипович Емельянов (1891–1959)

выделил тарантас и кучера. Евгений с двумя приятелями в 6 часов утра в любую погоду выезжал в Ульяновск. Своѐ свободное время он проводил с ровесниками в пойме Волги: купались в озѐрах, рыбачили, мастерили луки со стрелами, наконечники для которых делали из консервных банок. Всю неделю ждали пока за воскресного фильма в клубе. По выходным Евгений ходил на танцы в краснокирпичный клуб (бывшая церковь). Стройный, опрятный, культурный и обходительный, он неизменно пользовался популярностью у девушек, партнѐрша по танцам ему всегда была обеспечена.

Гита Васильевна приступила к работе ординатором в одном из отделений и на общественных началах организовала «Патопсихологическую лабораторию», которая позднее приобрела полуофициальный статус. Для выявления аномалий психического развития Гита Васильевна из картона вырезала небольшие квадратные карточки, на которых рисовала разнообразными цветными картинками: дверной навесной замок, морковь, чайник и т. д. Из глины или папье-маше делала модели животных (рыбку, петуха...) и геометрические фигуры. Все эти экспонаты она показывала больным и просила их описать. Иногда для каждого больного, исходя из особенностей его заболевания или бывшей профессии, изготавливала уникальный комплект экспонатов. Коллеги отзывались о Гите Васильевне так: «...человек большой культуры. Она любила больных, была неизменно чутка и добра к ним. Общение и сотрудничество с нею обогащало людей. В самые сложные вопросы Гита Васильевна умела внести ясность, выделить существенное и критически отметить всё чуждое нашей идеологии».

Гиту Васильевну отличало обострѐнное чувство справедливости, что импонировало руководству больницы и всему персоналу. Еѐ выбрали председателем местного комитета, и она фактически стала третьим по значимости лицом после главврача и секретаря парторганизации. Кроме прочего, в еѐ обязанности входила печальная необходимость распределять по малоимущим семьям карамзинцев «выморочное имущество больных» – одежду, обувь и пр.

Жителям Карамзинки Г.В. Биренбаум запомнилась аккуратной и элегантной женщиной. Несмотря на проблемы с водоснабжением, её медицинский халат всегда был идеально белый и подкрахмаленный. Гита Васильевна считала, что от внешнего вида врача-психиатра зависит его репутация как специалиста: если врач будет выглядеть неопрятно, пациенты не будут ему доверять и не станут «общаться по душам». В повседневной одежде она тоже отдавала предпочтение белому цвету. Вечерами Гита Васильевна прогуливалась по «мостику» – центральной дороге, соединявшей женский и мужской краснокирпичные корпуса. Когда позволяла погода, любила на скамеечке перед «Врачѣвым домом» читать художественные книги и слушать шелест листвы в кронах дубов, вплотную подступающих к дому. Читала Гита Васильевна и всю доступную в Карамзинке прессу – как всесоюзную, так и местную. Знание общественной жизни помогало ориентироваться при разборе анамнеза больных.

Очень полюбили Гите Васильевне и Евгению яблоки, выращиваемые в обширном саду подхоза. Особенно нравился анис, который был хорош и в свежем виде, и в мочёном. В подвале больничного пищеблока буртами хранили свежие яблоки и овощи, а в огромных дубовых бочках – мочёные яблоки и квашеную капусту, которых вдоволь хватало больным и персоналу. Вот только купить продукты в Карамзинке было затруднительно, ларёк от Кремѣнского сельпо работал редко, и все товары в нём разбирали моментально. Даже за хлебом приходилось ходить в Ульяновск, а ближайший магазин был на ул. Кирова, рядом с заводом «Металлист». Но всё же питание в Карамзинке было налажено хорошо, и до этого стройная Гита Васильевна слегка располнела, что по тем временам считалось признаком сытой и спокойной жизни.

Когда началась Великая Отечественная война и в Карамзинку стали поступать раненые советские бойцы, получившие черепно-мозговые и сопутствующие психологические травмы, Гита Васильевна приступила к исследованию специфики военной патопсихологии, с которой она была хорошо знакома ещё со вре-

мѣн учёбы в Германии. И это не удивительно, её научный руководитель Курт Левин – кавалер ордена Железного креста, ветеран Первой мировой войны, доброволец-артиллерист, воевавший с начала и до конца войны. К сожалению, собранные Гитой Васильевой материалы по фронтовой психопатологии не были опубликованы и считаются утраченными.

В Карамзинке сын Евгений вместе с товарищами готовился к грядущей войне с фашизмом, осваивал азы военной службы, учился стрелять из винтовки и с успехом сдал норматив на значок «Ворошиловский стрелок». Второго декабря 1943 года, будучи десятиклассником 2-й мужской средней школы г. Ульяновска, Евгений получил комсомольский билет, а уже 9 декабря призван горвоенкоматом в ряды РККА. Тут и пригодился переливающийся рубиновой горячей эмалью значок «Ворошиловский стрелок»: направление на станцию Барыш в «4-ю окружную школу отличных стрелков снайперской подготовки» было гарантировано. После её успешного окончания Евгений был переведѣн на станцию Инза в в/ч 68496. Гите Васильевне удалось несколько раз съездить к сыну в Барыш и Инзу. Среди своих товарищей-курсантов Евгений выделялся высоким по тем временам образованием – 9 полных классов и отличное знание немецкого языка. Поэтому, несмотря на отличную огневую подготовку, Евгению поручили заниматься оформлением воинской документации. Во второй половине лета 1944 года рядовой Евгений Биренбаум оказался на фронте в качестве ротного писаря в/ч 14019. При этом держать в руках винтовку ему приходилось гораздо чаще, чем чернильное перо. В ходе освобождения Латвии 7 октября 1944 года он был ранен и эвакуирован в госпиталь, а вот дальше его следы потерялись. Вероятнее всего, Евгений скончался от ран по пути в госпиталь, или его санитарный обоз подвергся нападению шатающихся по лесам немцев-окруженцев и латышских националистов. Последнее письмо, которое Гита Васильевна получила от сына, было датировано 2 октября 1944 года. До 1946 года она регулярно обращалась в Наркомат обороны с просьбой установить судьбу сына, но в ответ получала неизменную формулировку:

«7.10.44 года был ранен и эвакуирован в госпиталь. Дальнейшее пребывание Вашего сына нам не известно».

Гита Васильевна продолжала ждать возвращения сына и не решалась уехать из Карамзинки, боялась, что Евгений вернѣтся и не найдет её.

Всѣ было хорошо в Карамзинке, но очень хотелось быть ближе к живущей в Москве подруге Блюме Зейгарник и другим коллегам из «круга Выготского». Путь в столицу для жены врага народа был закрыт. Единственный выход – переселиться, например, в Рязань, от которой до Москвы каких-то 3–4 часа на поезде. В 1948 году Гита Васильевна решилась и переехала в Рязань, где устроилась в Рязанскую психиатрическую больницу, расположенную на окраине города в районе Голенчино. Ей дали малооплачиваемую должность ординатора, а от горячо любимого сына по-прежнему не было никаких вестей. Блюма Вульфовна Зейгарник как могла поддерживала подругу. Каждые школьные каникулы она находила какой-нибудь повод для командировки в Рязань. Брала сыновей и проводила время с «бедной Гитой». Подруги работали, отдыхали, мечтали, строили научные планы. Это общение облегчало душевные страдания Гиты, но ради кого и ради чего ей дальше жить? Такая мысль всё чаще посещала Гиту Васильевну. Сын погиб, а любимой работой с полной отдачей заниматься невозможно. В 1952 году Гиты Васильевны не стало. Существует версия, что она попала под колѣса троллейбуса.

Карамзинский период жизни Гиты Васильевны Биренбаум был не самым насыщенным в научном плане, но, безусловно, самым спокойным и комфортным периодом пребывания в СССР. В Карамзинке и сейчас старожилы произносят имя Гиты Васильевны с теплотой и уважением. Вспоминают и её любимую фразу: «Счастье внутри нас: не важно, сколько ты имеешь. Важно, какое получаешь от этого удовольствие».

Могила «бедной Гиты» не известна, недавно разобрали и увезли на дрова «Врачѣв дом», и только старые дубы, росшие в его дворе, помнят улыбающихся Гиту и Женечку, в обнимку сидящих на лавочке и смотрящих на восход...

Дмитрий Семенов